

§ 1. Геополитика и ее роль в американской внешней политике и стратегии

1. Геополитика в широком смысле слова. – 2. Классики геополитики и их влияние на западную политическую и военно-стратегическую мысль. – 3. Роль геополитики сегодня

Поскольку в этой главе пойдет речь о геополитическом аспекте/измерении мирового порядка, есть смысл немного сказать о том, что есть геополитика и какую роль она играет в политике США.

1. Геополитика в широком смысле слова

Геополитика – это область мысли, возникшая на пересечении политической теории, географии, истории, демографии, социологии, военных и других научных и околонаучных дисциплин в первые десятилетия XX в. Исследуя потенциал территориально-пространственных характеристик государства в военно-политическом плане, геополитика помогает раскрывать его возможности и мотивы действий на международной арене. Общей чертой всех геополитических учений являются попытки установить связь между географией и возможностями государств на мировой арене [Яковенко и др. 2023: 15]. Геополитику нередко определяют как концепцию о закономерностях распределения и перераспределения сфер влияния (центров силы) различных государств и межгосударственных объединений путем извлечения выгод из географического положения политического актора и уменьшения географических выгод противника.

Таким образом, поскольку геополитические выводы базировались на достаточно стабильном фундаменте географического положения акторов, она стала важной теоретической частью долгосрочного военно-политического планирования и выработки военно-стратегических доктрин. Соответственно, появилась, если так можно сказать, прикладная геополитика, которая формирует стратегию государств в достаточно длительной перспективе и последовательности, а также подсказывает, как лучше реагировать на вызовы соперников. Геополитические аспекты уже много десятилетий исследуются в американской и в целом западной науке, хотя они и опираются в базовом плане на в значительной мере устаревшие (в том числе и в связи с развитием технологий) теории, имеющие порой более чем столетнюю историю (см. об этом, например: [Яковенко и др. 2023: гл. 1])⁶⁴. В отечественной науке геополитиче-

⁶⁴ Например, при анализе «моря» в теоретической геополитике Северный Ледовитый океан (Арктику в целом) ранее во внимание особенно не принимали. А сегодня это поле активного противостояния, и ее значение растет [Кравчук 2019; Woody, Bochove 2024; Watkins 2024; Detsch, Gramer 2024; U.S. Stakes... 2023a; Funairole 2024; Cook 2024]. Тем не менее американские авторы четко определяют, что контроль над общими пространствами (такими как Мировой океан, воздушные пространства, киберсфера) есть основа американского доминирования в мире [Wohlforth, Brooks 2016].

ское измерение также активно исследуется⁶⁵. Также в зарубежной и отечественной науке имеется много определений геополитики. В этих определениях геополитика так или иначе связывается с географической средой. Например, геополитика – это наука, система знаний о контроле над пространством [Нартов Н. А., Нартов В. Н. 2007]. Ю. В. Тихонравов [2000] определяет ее как отрасль знания, изучающую закономерности взаимодействия политики с системой неполитических факторов, формирующих географическую среду.

Хотя геополитика изначально была связана с политической географией и географический аспект в ней присутствует всегда (как он присутствует в жизнедеятельности любой страны), а при любой технологии всегда есть географические ограничения и относительные преимущества, в современных условиях идея геополитического планирования и геополитических стратегем давно переросла чисто географические рамки. В самом деле, идеология может играть еще более важную роль, чем собственно национальные интересы. Например, в 1930-е гг. и Советский Союз, и Германия во многом во внешней политике ориентировались именно на важные для них идеологические установки. А нынешняя космическая и лунная гонка? Она явно направлена на улучшение сегодняшних и завтрашних позиций геополитических соперников и союзников. Но она уже не имеет почти никакого отношения к земной географии.

Словом, в современных условиях геополитика охватывает широкую сферу государственных интересов, далеко не всегда суженных до рамок географических выгод и ограничений. Поэтому для целей этой книги я бы определил геополитику как *систему внешнеполитической стратегии, опирающейся на цели, задачи и возможности (включая и географические) государств и их союзов, которой они следуют в течение достаточно долгого времени для обеспечения своих основных военно-стратегических внешнеполитических/экономических и иных, большой важности интересов и приоритетов. В зависимости от того, что это за интересы, и от значимости державы этой стратегии могут быть подчинены в той или иной мере не только выбор союзников, определение тех или иных стран (особенно соседей) как противников (потенциальных противников), тайные действия, но также и внутренняя политика, идеология и иные аспекты жизнедеятельности государства*. Но это определение является чисто утилитарным, не претендующим на то, чтобы отвергать иные определения, многие из которых имеют несомненные достоинства и являются весьма удачными.

⁶⁵ В российской политической науке геополитике уделяется достаточно внимания с 1990-х, когда был создан комитет в Государственной Думе по геополитике. Этот термин вошел в официальный политический язык, а предмет стал преподаваться в высших учебных заведениях. Одних только учебников по геополитике существует большое количество, например: [Сирота 2006; Нартов Н. А., Нартов В. Н. 2007; Желтов В. В., Желтов М. В. 2009; Василенко 2010; Кефели 2010; Исаев 2024]. При этом данные учебники в значительной степени представляют собой авторские исследования. См. также хрестоматию [Политическая... 2022]. См. также: [Гринин А. Л. 2023, 2024г].

2. Классики геополитики и их влияние на западную политическую и военно-стратегическую мысль

Зарождение предпосылок для появления геополитики произошло в последних десятилетиях XIX в., что, в частности, было связано с большими успехами в естественных науках, особенно в биологии (теория Дарвина). Идеи естественного отбора стали переносить на общества, которые в ряде теорий (первая из них принадлежала английскому философу Г. Спенсеру) представлялись как социальные организмы, конкурирующие между собой. Немецкий ученый Ф. Ратцель (1844–1904) был одним из основателей политической географии. Он написал книги «Законы пространственного роста государств» (1896), «Политическая география» (1897) и «Море как источник могущества народов» (1900)⁶⁶, рассматривал государства как социальные организмы, которые действуют в условиях отбора и борьбы за жизненное пространство. Выживание государств (наций или культур) связано с их способностью к экспансии и улучшению своего географического положения. Рост государств способствует дифференциации мира на сильные (жизнеспособные) и слабые страны. Расположение государств относительно других государств, их географические характеристики и положение влияют на их политический статус. Ратцель рассматривал границы как периферийные органы государственного организма. Разумеется, увлечение методом аналогии неизбежно приводило к натяжкам и биологизаторским спекуляциям, особенно при объяснении пространственного расширения или уменьшения государств. Труды Ратцеля заложили основы новой науки – геополитики; в частности, они повлияли на творчество основоположника германской школы геополитики К. Хаусхофера (подробнее о Ф. Ратцеле см.: [Гринин Л. Е. 2012д]).

Геополитика появилась в конце XIX – начале XX в. Ее появление было очень сильно связано с усиливающимися противоречиями и противоборством между Англией и Германией, ощущением назревания грандиозной войны и попытками США и других стран самоопределиться в мировой политике.

Как одного из основателей геополитики необходимо упомянуть американского военно-морского теоретика и историка А. Мэхэна (1840–1914). Основные положения его теории о роли морской силы и военно-морского флота содержатся в серии трудов, в особенности в первом и самом важном труде «Влияние морской силы на историю 1660–1783» [Mahan 1987].

Обязательно надо сказать об английском географе Х. Макиндере, который в 1904 г. в докладе Королевскому географическому обществу “The Geographical Pivot of History” представил новые подходы [Mackinder 1904]⁶⁷. Это все еще была, скорее, политическая география (историческая политическая география). И в этом плане это был новаторский подход, возвращавший значение в понимании истории и исторического процесса географическому фактору, без учета которого многие закономерности и процессы были непонятны (о развитии в теории истории понимания географического фактора см.: [Гринин Л. Е.

⁶⁶ См.: [Ратцель 2007].

⁶⁷ В русском переводе «Географическая ось истории» [Макиндер 2021].

2011, 2013д; Гринин Л. Е., Коротаев 2014]). Но в дальнейшем и весьма скоро это трансформировалось в политическую концепцию, в которой наряду с интересными и где-то новаторскими прозрениями было и много догм или идей, которые работали в некоторых, но далеко не во всех случаях⁶⁸.

Впервые термин «геополитика» был применен и развит шведским ученым Р. Челленом (1864–1922) в капитальном труде «Государство как форма жизни», вышедшем в 1916 г. В Германии идеи geopolitics проводит К. Хаусхофер, основатель Немецкого института geopolitics (1922) и соответствующего журнала⁶⁹.

Наконец, надо сказать об американском классике geopolitics Н. Спайкмене, в другой транскрипции Спикмэне (1893–1943). Этот американский geopolitik голландского происхождения является отцом концепции «сдерживания» и основателем классического реализма в американской теории международных отношений. Он автор двух известных работ: «Американская стратегия в мировой политике» (1942) и «География мира» (1944) [Spykman 2017, 1944]. Основой его теории являлась идея «римленда», периферийной, но ключевой территории в мировой политике территории, окружающей макиндеровский хартленд.

Таким образом, мировые войны и глобальное разделение мира на враждующие блоки дали большой импульс этому направлению и придали ему мощное политическое значение, тем более что ряд его основателей занимали высокие посты.

3. Роль geopolitics сегодня

Считаю, что в данной работе нет смысла сколько-нибудь подробно излагать сами теории geopolitics с их специфическими терминами: «хартленд» (средняя земля Евразии), «римленд» (ключевая территория, опоясывающая хартленд), «мировой остров» (то есть территория Афроевразии), разделение стран на морские и территориальные (море и суша) и др.⁷⁰ Как я уже сказал, там есть рациональные идеи и типичные теоретические штампы, приложение которых к конкретной реальности затруднено. Но главное, что в данной работе все эти детали не нужны (подробности см.: [Яковенко и др. 2023: гл. 1]; см. также: [Жданов 2013]).

Гораздо важнее, что идеи geopolitics в значительной мере стали идеологической, а во многом и практической базой для внешней политики США.

⁶⁸ Эти взгляды были развиты им уже после Первой мировой войны, в 1919 г. [Mackinder 1996]. В своей последней работе в разгар Второй мировой войны в 1943 г. «Земной шар и достижение мира» Макиндер, по сути, предсказывает становление двуполярного мира, вращающегося вокруг двух противостоящих друг другу осей: Соединенных Штатов и Советского Союза (хартленда). Выжимки из всех трех его работ на русском языке см.: Макиндер 2018.

⁶⁹ В России издана его книга [Хаусхофер 2001].

⁷⁰ Равно как и расшифровывать их известные geopoliticheskie афоризмы. Кто правит Восточной Европой, тот командует хартлендом. Кто командует хартлендом, тот правит мировым островом. Кто правит мировым островом, тот повелевает миром (Макиндер). Кто контролирует римленд, тот правит Евразией. Кто правит Евразией, тот управляет судьбами мира (Спайкмен).

Как справедливо пишут А. В. Яковенко и др. [2023: 24], в целом работы Мэхэна [Mahan 1987], Макиндера [Mackinder 1904, 1996; Маккиндер 2011] и Спайкмена [Spykman 2017, 1944] образуют основу классической англосаксонской геополитики. Именно эти теоретики очертили наиболее фундаментальные понятия и категории геополитической мысли западного мира и задали ту систему координат, в которой по-прежнему живут и действуют американские и британские политики, военные, академические эксперты. Последующие поколения теоретиков геополитики занимались в основном конкретизацией этих доктрин и их корректировкой в условиях изменявшейся глобальной конъюнктуры. Важное слово здесь сказали два видных представителя американского истеблишмента, которые одновременно завоевали большой авторитет в западном академическом мире и внесли существенный вклад в развитие американской геополитической мысли. Речь идет о З. Бжезинском (1998, 2010в) и Г. Киссинджере [1997; 2002; Kissinger 2014].

И дается очень важный вывод: круг основных геополитических проблем, которые волнуют американских стратегов в наши дни, – укрепление России, ее потенциальный альянс с Китаем и Германией, создание европейской федерации – был очерчен еще семьдесятю годами ранее, на исходе Второй мировой войны [Яковенко и др. 2023: 24].

В какой-то мере эти авторы правы, когда утверждают, что именно необходимостью решения этих задач, а также контроля над Западной Европой («периферией Евразии») объясняется упорное стремление американцев к сохранению и расширению блока НАТО, а также стойкое неприятие предложений России по разработке Договора европейской безопасности, интеграционных инициатив на постсоветском пространстве, особенно в рамках Организации Договора о коллективной безопасности [Яковенко и др. 2023: 24]. Но, во-первых, сохранение НАТО определяется многими причинами, далеко не в последнюю очередь желанием самих европейцев находиться под ядерным зонтиком США. Вспомним, как тяжело переживали в Европе (и вновь переживают) заявление Трампа о ненужности НАТО. Во-вторых, НАТО сегодня пытаются расширить до Тихого океана. В этой связи вполне правильными выглядят заключения, что мэхэновская доктрина морской силы тоже никуда не исчезла из арсенала американских геополитиков. Другое дело, что она приобретает сегодня в большей степени антикитайский оттенок, по мере того как Пекин все более активно включается в международную экономику, по-прежнему опирающуюся на морскую торговлю, а также наращивает свое военно-морское могущество. Сочетание модернизированных геополитических идей Мэхэна (контроль морских пространств и закрытие доступа враждебных США военно-морских сил в нужные районы Азиатско-Тихоокеанского региона) и Спайкмена (контроль «окраинных» государств Южной и Юго-Восточной Азии) нацелено в первую очередь на «опоясывание» Китая и сдерживание его растущего влияния в регионе [Яковенко и др. 2023: 24]. Об этом мы еще будем говорить далее в настоящей главе.

Таким образом, важен сам статус геополитики как концептуальной основы глобальной американской стратегии. Этот феномен глубоко укоренен в психологии руководства Государственного департамента США, которое не испытывает пиетета в отношении ценности дипломатических методов. Нередко для руководителей американского внешнеполитического ведомства дипломатия воспринимается как синоним слабости. Расхожим в Госдепе является и мнение о том, что только слабые апеллируют к защите международного права. Большинство американских «дипломатов» вообще не обладают необходимыми профессиональными навыками. [Яковенко и др. 2023: 34; см. об этом также: Гринин Л. Е. 2015а: 13–14]. Бывший дипломат, человек, служивший в военном ведомстве, Ч. Фримэн (в другой транскрипции Фриман) рассуждает о проблемах внешней политики и дипломатии США, показывает исторические причины этих проблем и слабостей [Фримэн 2015]. Основные идеи его статьи состоят в том, что Соединенные Штаты сегодня не понимают необходимости общаться на нужном уровне дипломатии и не знают, как ею заниматься. Соответствующие гражданские политические руководители – это почти всегда неопытные любители, попадающие во власть благодаря системе распределения государственных должностей за услуги. При этом система в последние десятилетия захватывает даже кадры дипломатов низшего звена, что окончательно подрывает профессионализм. Все чаще дипломатами назначают американских военных, что приводит к дальнейшей милитаризации иностранных дел США. Фримэн считает, что со времени распада СССР внешняя политика США стала основываться почти исключительно на экономических санкциях, превращающихся в самоцель, военном устрашении и применении силы.

К сожалению, за прошедшие почти десять лет качество американской дипломатии упало еще очень сильно, так что деятели времен Обамы уже кажутся высокими профессионалами. Это подтверждает указанный же автор в своей статье 2024 г. [Фриман 2024]. То же относится и к тем, кто формирует американскую идеологию. Нельзя не согласиться с французским историком и геополитиком Э. Тоддом, который говорит, что Дж. Байдена и Д. Трампа окружают неоконсерваторы, но это далеко не светочи разума, это посредственные идеологи (см.: [Mahrane 2024]).

Таким образом, при анализе американской внешней политики надо учитывать как роль геополитических доктрин (см., например: [Detsch, Gramer 2024]), так и слабость профессиональной дипломатии и, по сути, пренебрежение к ней (согласно идее, что сильным она не нужна), а также доминирование внутривнутриполитических целей и обещаний избирателям над внешней политикой⁷¹. В итоге особенно в последнее время колебания в американской внешней политике, ее зигзаги, неожиданные изменения, недоговороспособность и пр. стали очень серьезно угрожать и без того ставшей хрупкой стабильности. Опасность еще и в том, что в США нет единой политики, разные группы и лидеры могут пытаться проводить собственную линию, поэтому разгадывание намерений тех или иных политических кланов становится все более важным делом.

⁷¹ О роли геополитики в США см.: [Гринин А. Л. 2023, 2024г].